

ЭХО ПОМЕСТЬЯ БЛЭКВУД

Элеонора Блэк

Исторический детектив

18+

Элеонора Блэк

Эхо поместья Блэквуд

«Автор»

2026

Блэк Э.

Эхо поместья Блэквуд / Э. Блэк — «Автор», 2026

Сбежав из Лондона в Шотландское нагорье, писательница Эвелин Вэнс рассчитывала лишь на тихую работу в библиотеке древнего рода Блэквуд. Но мрачный хозяин поместья Алистер хранит тайны заморозков 1912 года, а строгая экономка годами покупала молчание города. Эвелин предстоит узнать, что её собственная кровь течёт в самом фундаменте этого проклятого дома.

© Блэк Э., 2026

© Автор, 2026

Элеонора Блэк

Эхо поместья Блэквуд

Эхо поместья Блэквуд

Эвелин Вэнс казалось, будто она прекрасно понимает, от чего бежит, уезжая из Лондона к сырому, пропитанному дождями граниту Шотландского нагорья. У неё на руках был контракт на каталогизацию торговых судовых документов старинного купеческого рода и отчаянная потребность глотнуть воздуха, который не казался бы искусно выстроенной, благообразной клеткой. План был прост: работать, дышать и забыться. Алистера Блэквуда в этом плане не было.

Алистер несёт непомерную тяжесть поместья Блэквуд на своих худых, резких плечах. В свои двадцать девять он живёт в непримиримой вражде со сном, в каждом незнакомце видит судью, а к собственному родовому гнезду относится как к застарелой травме. Он хочет, чтобы прошлое оставалось погребённым под брезентом; ей же платят тридцать шиллингов в неделю за то, чтобы она превратила это прошлое в благопристойную прозу. Леденящая душу библиотека делает их вынужденными спутниками. Запертые ящики — противниками. Но тяжёлое, удушливое безмолвие дома заставляет их прийти к чему-то, чему ни один из них не умеет дать имя.

Алистер не говорит о заморозках 1912 года. Но Эвелин всё равно натывается на грессбух: сестра, выданная корнями ивы у ручья у восточного утёса; семья, тонущая в лауданумовом бреде и неоплатных долгах; и старая экономка, купившая молчание города за золотые соверены — тихое наследие, из-за которого судебные приставы теперь подбираются к самым воротам. Когда ложь трёх поколений начинает трещать по швам, Алистер должен решить: позволить ли стенам рухнуть или наконец принять бой. Эвелин же предстоит столкнуться с тем, что её собственная кровь течёт в самом фундаменте этого поместья. Ей нужно решить, какую историю она готова поведать миру и какой женщиной ей суждено стать.

«Эхо поместья Блэквуд» — это история о двух людях, которые отчаянно не умеют быть честными, пока истина не остаётся единственным воздухом, которым ещё можно дышать. Эта книга о том, что история никого не спасает, но требует подведения баланса, и о том, что остаться лицом к лицу с руинами гораздо труднее — и куда важнее, — чем просто сбежать.

От автора

Я взялась за эту книгу, потому что устала от исторических детективов, где одно-единственное признание мгновенно всё исправляет. Находка утерянного грессбуха не вернёт сестру Алистера. Правда не отменит годы лауданума и тихого отравления. Раскрытие семейных тайн не изменит того, что судебные приставы всё ещё стоят у ворот, готовые разнести этот дом по кирпичику. Но всё это открывает двери. И этого достаточно.

Судовые ведомости и холодные механизмы управления поместьем в этой книге воссозданы настолько точно, насколько я смогла, благодаря копанию в старых реестрах и исторических хрониках. Тяжёлая, клаустрофобная реальность угасания близкого человека, уплывающего в туман из лекарств и недосказанности, взята из очень личного опыта — я видела, как тот, кого я люблю, вёл свою тихую, изнурительную борьбу с болезнью. Всё остальное я выдумала — надеюсь, не слишком дурно.

Если вы читаете это потому, что вам нужна история о двух призраках, которые учатся жить на руинах, — что ж, она перед вами.

ГЛАВА 1: Холодный приём

Двигатель рейсового автобуса испустил дух с влажным металлическим кашлем, содрогнувшись так сильно, что оконные стёкла жалобно задребезжали о прогнившие резиновые уплотнители. В холодное предвечернее небо поздней осени поднялся густой шлейф маслянистого чёрного дыма, густо пахнувший несгоревшим керосином.

Водитель добрые две минуты виртуозно и ритмично ругался на гэльском — это занятие, похоже, приносило ему куда больше удовлетворения, чем попытки заглянуть под капот.

— Приехали, мисс, — сказал он, вытирая масляные ладони ветошью, которая выглядела ровесницей самого шасси. — На подъём к воротам эта машина теперь не заберётся. Двигатель сдох, сегодня точно всё.

Эвелин сошла на разбитый гравий. Крупный песок громко хрустнул под кожаными подошвами её ботинок, и этот резкий звук отчётливо разнёсся в подступившей тяжёлой тишине Нагорья. Оставшиеся пассажиры — местный фермер, баюкавший плетёную корзину с мокрой, притихшей птицей, и женщина, укутанная в тяжёлую траурную шерсть, которая не поднимала глаз от самого Эдинбурга, — безучастно смотрели на неё через стекло. То была отрешённая, слегка мрачная жалость, которую обычно берегут для глупцов, ищущих место, лежащее в стороне от почтового тракта.

Автобус завёлся с мучительным скрежетом передач и неуклюже покатил прочь, оставив за собой лишь горизонтальные красные полосы габаритных огней, тающих в наползающем тумане. Она осталась на развилке в полном одиночестве. У её ног покоилась вся её жизнь: потрёпанный картонный чемодан, перетянутый брезентовым ремнём, и тяжёлый кожаный кофр с пишущей машинкой «Ремингтон». Всё остальное осталось в маленькой квартирке на Торрингтон-сквер.

Три года с Томасом закончились без громких сцен и разбитой посуды. Вместо этого пришёл медленный, подспудный, удушающий дефицит воздуха. Его доброта со временем превратилась в искусно выстроенную клетку — предсказуемое тепло обедов, о которых она не просила, мягкие, методичные расспросы о её настроении, больше похожие на вежливый перекрёстный допрос. Это было неуклонное, мягкое давление, попытка вылепить из неё респектабельную даму, которой она не умела и не хотела быть. Сообразив чемодан за десять минут, пока Томас был в издательстве, она написала записку на обороте счёта за газ и села на первый же поезд на север, прежде чем паника успеет сковать её волю.

«Мне нужно сменить обстановку, Томас. Пожалуйста, не делай из моих поисков очередной свой проект».

Воздух Нагорья отзывался торфяным дымом, мокрой хвоей и резким металлическим привкусом скрытого в милях к западу озера. Эвелин плотнее потянула воротник своего серого пальто к горлу. Шерсть из вторых рук с Кэмден-маркета заметно протёрлась на локтях, но это пальто верой и правдой служило ей две зимы фриланса, ночных подработок и леденящей стужи в съёмных комнатах, где она писала книжные рецензии в перчатках без пальцев, а её дыхание облачками поднималось над клавишами.

Поместье Блэквуд венчало гребень холма, словно застарелая травма.

Оно мало походило на романтические руины, которые она смутно рисовала себе на основании скупой переписки с семейными поверенными. Это была сплошная глыба тёмного, напитавшегося влагой гранита, почти почерневшего от десятилетий атлантических дождей. Готические шпили врезались в низкие тучи. Большинство длинных узких окон оставались совершенно тёмными, отражая лишь серое небо, но высоко в восточном крыле за стеклом дрожал одинокий жёлтый огонёк. Кто-то бодрствовал. Кто-то, кто подписал её контракт, но, как она подозревала, уже пожалел о тратах.

Гравийная подъездная дорожка заросла сорняками, старые самшитовые топиарии одичали, превратившись в тяжёлые бесформенные заросли, нависающие над тропой. Опавшие

листья, скользкие от гнили, сплошным ковром покрывали каменные ступени, ведущие к массивным дубовым дверям.

Эвелин не стала искать шнур звонка. Железный дверной молоток был отлит в форме ворона — с тупым, но тяжёлым клювом. Она опустила его дважды. Глухой удар тут же поглотила толща дерева.

Из мороси проступили колкие капли, они обжигали щёки и выбивали тёмные пряди волос из-под шляпки. Она собиралась постучать в третий раз, когда услышала тяжёлый скрежет засова. То был неохотный стон железа, которое не смазывали со времён войны.

Дверь приоткрылась на несколько дюймов. В щель выглянул старик, его плечо было высоко вскинута под выцветшей чёрной ливреей, пахнувшей сырой шерстью и старым салом. Лицо его представляло собой карту глубоких, бесцветных морщин, а глаза имели помутневший, непроницаемый взгляд человека, который слишком много лет наблюдал за вещами, за забвение которых ему платили.

— Мисс Вэнс? — голос его был тихим, тонким, иссушенным старостью.

— Да. Полагаю, мистер Блэквуд ожидает меня.

Прежде чем старый слуга успел ответить, более резкий голос разрезал холодный воздух из глубины холла.

— Впусти её, Дуглас. И ступай займись лампами в кабинете.

Старик отступил без единого слова, растворившись в полумраке коридора с привычной покорностью преданного слуги. По широкой каменной лестнице спустился мужчина и остановился под светом одинокой, нечищенной бронзовой люстры.

Эвелин крепче перехватила ручку кофра с машинкой, решив не доставлять ему удовольствия видеть, как она дрогнет.

Алистер Блэквуд находился в том самом возрасте, когда молодость уже выжжена изнутри — ему было двадцать девять, хотя глубокие складки у глаз выдавали человека, пережившего собственную юность, — а на лице его лежала печать вечной усталости того, кто не в ладах со сном. Он был высок, худощав и резок в своём тёмном пальто, которое выглядело дорогим, но запущенным; воротник был поднят, спасая от сквозняков этого готического дома. Тёмные волосы от сырости слегка липли ко лбу. Двигался он как-то грузно — размеренно, холодно, будто действительно нёс на плечах всю непомерную тяжесть этого здания.

Но её заставили остановиться его глаза. Они были тёмными и смотрели на неё с оборотистой интенсивностью, которую она узнала мгновенно. Точно такое же выражение лица она видела у своего отца в те редкие утренние часы, когда он был достаточно трезв, чтобы вспомнить о существовании дочери. Так смотрит человек, который в каждом встречном видит судебного пристава или критика.

— Вы пропустили полуденную пересадку в Крианларихе, мисс Вэнс, — сказал он. Голос его был плоским, лишённым какого-либо намека на обычное гостеприимство.

— У поезда из Эдинбурга выбило котёл под Стерлингом, — ответила Эвелин, сохраняя сугубо профессиональный тон, несмотря на ломоту в плечах и пустоту в желудке. Она ничего не ела с трёх часов утра, когда перекусила сухой лепёшкой. — Но я здесь, мистер Блэквуд. И вполне готова приступить к разбору бумаг вашего деда.

Он остановился в нескольких футах от неё, достаточно близко, чтобы она уловила запах табачного дыма, сырой шерсти и чего-то старого, металлического — похожего на железные опилки. Взгляд его скользнул к её скромному чемодану, задержался на потёртой коже кофра и вернулся к её лицу с той холодной оценкой, которую она обычно получала от редакторов с Флит-стрит, считавших, что тридцатидвухлетней женщине не пристало писать ничего серьёзнее светской хроники.

— Моему деду девяносто четыре года, мисс Вэнс, — произнёс Алистер, и его губы вытянулись в жёсткую линию, которая была далека от улыбки. — Его разум — это череда комнат,

которые запираются одна за другой. Он подписал это издательское соглашение в заблуждении, будто его карьера в торговом судоходстве всё ещё имеет значение для публики. Это не так. В фундаменте этого дома и так полно гнили, чтобы ещё лондонская писательница переворачивала здесь половицы.

— Я литературный негр, мистер Блэквуд, а не журналист, — отрезала Эвелин, и её пальцы побелели на ручке сумки. — Сплетни меня не интересуют. Я приехала исполнить контракт, который фирма вашей семьи подписала и по которому выплатила аванс. У меня есть законное право находиться в этой библиотеке.

Он наклонился чуть ближе, и на долю секунды в его глазах мелькнула вспышка подлинного, контролируемого гнева — того самого гнева, что рождается годами вынужденного одиночества.

— У вас есть клочок бумаги из адвокатской конторы в Лондоне, мисс Вэнс, — прошептал он, и его голос опустился до регистра, подозрительно похожего на угрозу. — Но у этого уголка Пертшира есть очень старая привычка поглощать вещи, которым здесь не место. И людей в том числе.

— Это предупреждение, мистер Блэквуд, или просто замечание по поводу местного климата?

— Это факт. — Он отступил, и напряжение спало.

ГЛАВА 2: Архивы

От восточного крыла пахло заброшенностью.

Комната Эвелин оказалась маленькой, холодной, обставленной узкой кроватью, умывальником с треснувшим кувшином и шкафом для одежды, который при открывании хрипел, точно издыхающий зверь. Окно выходило в огород — запущенный, заросший сорняками, где лишь одинокая яблоня всё ещё упрямо держала плоды. Она стояла у стекла, глядя на дождевые струи, и думала о квартире Томаса в Блумсбери — о работающих радиаторах, радиоприёмнике, неизменном глухом гуле лондонских улиц, который стал для её ушей синонимом тишины.

Она оставила записку: «Мне нужно подышать». Три слова, которые ничего не объясняли, но объясняли всё. Сейчас он, должно быть, волнуется или злится, а может, и то и другое. Чувства Томаса всегда расплывались, как акварель: всегда мягкие, всегда разумные, всегда удушающие.

Ужин прошёл в молчании. Алистер восседал во главе стола, за которым могли разместиться человек двадцать, и вяло ковырял еду, которую Дуглас подавал с похоронной торжественностью. Старый лорд отсутствовал — «нездоровится», бросил Алистер, и в этом слове крылся вес, которого Эвелин пока не понимала. Ели разваренную, недосоленную баранину с картошкой, отдававшей землёй. Без вина. Вода из кувшина оставляла минеральные разводы на стекле.

— Ваш дед, — попыталась начать она, — когда я смогу побеседовать с ним?

Нож Алистера замер над тарелкой.

— Когда к нему вернётся ясность рассудка. А это случается всё реже.

— А архивы? Семейные бумаги?

— Завтра. Дуглас покажет вам библиотеку. — Он поднял глаза, и их темнота поймала отсвет свечи. — Будьте осторожны с тем, что тревожите, мисс Вэнс. Некоторые бумаги хрупки. Некоторые секреты лучше оставить погребёнными.

Теперь же утренний свет пробивался сквозь занавески, пахнущие плесенью. Она оделась в свою вторую юбку, серую шерстяную, и последнюю чистую блузку. Зеркало над умывальником отразило женщину, побледневшую от дороги, с тёмными кругами под серыми глазами и

волосами, выбивающимися из шпилек. Выглядела она в точности так, как и должно: тридцать два года, измождена, бежит от чего-то, чему не может дать имя.

Библиотека занимала западный угол первого этажа — комната, которая когда-то, вероятно, была великолепной. Стеллажи от пола до потолка, потемневшие от времени, держали книги, которые, казалось, опирались друг на друга, чтобы не рухнуть. Лестница на латунных полозьях открывала доступ к самым верхним томам. В лучах света, падавших из высоких окон, плясали пылинки, и где-то с размеренным, сводящим с ума ритмом капала вода.

Дуглас исчез, едва указав ей на дверь, оставив её наедине с запахом старой бумаги и чем-то ещё — чем-то металлическим, похожим на нутро остановившихся часов.

Она начала со стола.

Он стоял у дальней стены — массивный, викторианский, его поверхность была испещрена чернильными пятнами и следами от свечных ожогов. Ящики оказались незапертыми, набитыми обыденным хламом: квитанции 1911 года, сломанная перьевая ручка, гроссбух с записями домашних расходов, сделанными почерком, который становился всё более неровным. 1912. 1913. Затем пустота вплоть до 1920 года, когда за перо взялся другой человек — Алистер, как она догадалась по резким, угловатым буквам.

Но центральный ящик заело. Не заперт — она проверила замочную скважину и не нашла её, — а именно заклинило, будто дерево разбухло изнутри. Она потянула, упершись ногой в массивную ножку стола, и почувствовала, как что-то поддалось с треском, похожим на перелом кости.

Ящик выдвинулся.

Внутри не было ничего, кроме старых судовых ведомостей Глен-Милл, уголки которых покрылись сухой плесенью. Однако под испятнанным чернилами бюваром она обнаружила вырванный клочок бумаги — шальной листок из расчётной книги, датированный декабрём 1912 года. Написанная жёсткой, незнакомой рукой, одна-единственная строчка резко выделялась на фоне колонок с цифрами: «Комната девчонки убрана. Бытовой осадок заперт там, где ему и место».

Эвелин уставилась на рваный край бумаги. Дом, казалось, придвинулся ближе, капли воды зазвучали громче, а пылинки закружились в узорах, похожих на безмолвное предостережение. Кто была эта девчонка и что именно заперли от чужих глаз?

Она стояла у стола, пока глаза не зажгло от напряжения, пока свет не померк и в дверях не появился Дуглас с лампой, которую он не зажигал, уставившись своими блёклыми глазами куда-то ей за спину.

— Мистер Блэквуд просит вас отужинать с ним, мисс. В малой гостиной.

Она опустила обрывок бумаги в карман, разглаживая пальцами сухие края.

— Передайте ему, что я приду. И, Дуглас...

— Да, мисс?

— Кто такая Клара?

Лицо старика не дрогнуло, но в глазах что-то шевельнулось. Что-то старое, настороженное и печальное.

— Мисс Клара была сестрой молодого хозяина, мисс. Она погибла в 1912 году. В тот же год, что и матушка молодого хозяина, и в тот же год, когда... — Он осёкся, будто поймал себя за язык. — В тот же год, когда многое изменилось в этом доме.

— Как она погибла?

Но он уже разворачивался, уже таял в полумраке коридора, и его ответ донёсся откуда-то из темноты:

— Утонула, мисс. В ручье под восточным утёсом. Говорят, несчастный случай, но... — Голос дрогнул, налившись тяжестью. — Но молодой хозяин был там в ту ночь. Он нашёл её тело. И с тех пор никогда об этом не говорил.

Эвелин сидела в темнеющей библиотеке, и холодный сквозняк подступал всё ближе. Не угроза, поняла она. Предупреждение. Или, возможно, мольба.

Она подумала о Томасе, его мягких руках, его тревожном взгляде. Подумала о записке, которую оставила, о трусости этого шага, о его эгоизме.

«Мне нужно подышать».

Но что, если воздух, который она нашла, отравлен?

ГЛАВА 3: Лощина (1912)

Рабочие сошлись в крутой лощине под восточным утёсом, где ручей бежал чёрным и глубоким, а листовенницы росли так густо, что заслоняли свет фонарей со стороны прибрежной дороги.

Клара Блэквуд пробиралась по осыпи в тонких кожаных ботинках, предназначенных для усыпанных гравием садовых дорожек. Сердце испуганно билось о рёбра. Она думала о лжи, которую оставила позади, в поместье — о закрытых дверях гостиной, о ритмичных жалобах матери на кусачий воздух и о запахе лавандовой воды, маскирующем кислый смрад дома, гниющего от долгов. Ей исполнилось восемнадцать всего три месяца назад, и каждый день из этих недель приносил понимание: будущее, уготованное ей, — это лишь медленное погребение.

Джулиан стоял у самой кромки воды, его низкий голос перекрывал шум потока. Ему было двадцать два, сын конюха, его руки уже стали тяжёлыми и огрубевшими от извести, кузнечного железа и краёв книг, которые он читал при свете сальной свечи на сеновале. На нём не было куртки, несмотря на резкий зимний мороз, начавший сковывать грязь; рукава фланелевой рубашки были закатаны до локтей, обнажая сухие мускулы человека, живущего под открытым небом.

Он увидел её первым и замолчал на полуслове.

Мужчины вокруг него обернулись. Их лица были серыми в маслянистом дыму одинокого факела — изнурённые, оборонительные лица прихожан, иссечённые той особой подозрительностью, что течёт глубже любой реки. Они смотрели на её белое муслиновое платье, уже испачканное листовым перегноем по подолу, словно на призрак или на судебного чиновника.

— Она со мной, — сказал Джулиан, и его голос опустился до тихого местного говора, от которого парадные залы поместья всегда казались маленькими и хрупкими. — Мисс Блэквуд пришла взглянуть на ведомости.

— Она пришла, чтобы донести имена своему врагу, — бросил мужчина из тени каменного уступа. Это был крупный человек, ткач из нижней деревни, судя по его сутулости; пальцы его были синими от краски. — Их порода не спускается в канаву, если только не ищет повода поднять арендную плату. Или повода пригнать констеблей из Перта.

— Я здесь, чтобы слушать, — произнесла Клара. На первом слоге её голос дрогнул, но она сдержала его. Она посмотрела синепалому ткачу прямо в глаза. — Моя мать говорит, что вы собираетесь сжечь лесной склад. Что вы просто стадо, ведомое ирландскими агитаторами. Я хотела увидеть, права ли она.

Крупный мужчина издал короткий, уродливый смешок, перешедший в кашель.

— Ваша мать... Юный Алистер прохладается в своей пижонской академии в Эдинбурге, учится держать трость, пока наши ребята харкают кровью в ткацких рядах, потому что одеяла были проданы за проценты по долгам вашего отца за лошадей. Что ваша мать знает о складе?

— Управляющий не знает, что дочь хозяина здесь, — тихо проговорил Джулиан, шагнув между Кларой и светом факела, чтобы заслонить её от тяжести их взглядов. — И все здесь знают, чего будет стоить её имя, если он найдёт её в лощине после наступления темноты. Это даёт ей право стоять у ручья.

Мужчины заворчали, но расступились, освобождая место у плоского валуна. Клара села, её белые юбки расплылись по замёрзшему мху. Джулиан сел рядом, достаточно близко, чтобы она уловила его запах — мыло для конюхов, сырая шерсть и чистый, резкий аромат сосновой стружки, который у неё прочно ассоциировался со свободой.

— Глен-Милл, — сказал он, и его голос предназначался ей одной; он не отрывал глаз от воды. — Мельница твоего отца, Клара. Та самая, что оплачивает серебряный сервиз, который Дуглас намывает каждое утро. Люди не видели полновесного соверена уже шесть недель. Управляющий запер главные ворота во вторник, привёл четырёх ломовых извозчиков с побережья, чтобы вывезти сухой лес, а когда парни встали в переулке, чтобы остановить лошадей, полиция пустила в ход дубинки. Молодой Джорди лежит в постели с проломленной головой. Двое других больше не сядут за станок.

— Отец ничего нам не говорил, — прошептала она. — Он сказал, ворота закрыты для очистки шлюза.

— Нет. — Губы Джулиана сжались в жёсткую линию. — Он и не сказал бы. В «Скотсмене» не печатают о том, что происходит с людьми, которые не владеют землёй, на которой умирают. Твоя семья заботится о том, чтобы чернила оставались чистыми.

— Моя семья...

— Умирает, Клара, — произнёс он, повернув голову и глядя на неё. Факел выхватил серую радужку его глаз. В его голосе не было жалости — лишь плоская, пугающая уверенность счетовода. — Каждое платье, что ты носишь, каждая лошадь, на которой Алистер катается, когда приезжает на каникулы, — всё это построено на этой канаве. На их пальцах и их лёгких. Ты можете читать все те памфлеты, что я тебе даю, но вот она, настоящая тяжесть. Эта чёрная вода.

Клара почувствовала, как у неё закололо в глазах от подступающих слёз, и возненавидела себя за это. Она читала книги, которые он тайно передавал ей под телегой с сеном — Оуэна, мелкие трактаты из Глазго, вещи, от которых у её матери затряслись бы руки, увидь она обложки. Ей казалось, она понимает устройство мира в теории.

Но теория была сухой. А здесь пахло мокрой шерстью и людьми, которые не ели досыта с Михайлова дня.

— Что же вы намерены делать? — спросила она.

— Мы намерены остановить колесо, — просто сказал Джулиан. — Великую лесопильную пилу. Если зубья не вращаются, брёвна остаются в пруду. Нет брёвен — нет фрахта для старого лорда. Мы собираем людей сейчас, от лесных доков до верхних копей. Когда в следующем месяце ударят настоящие морозы, им нечего будет продавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.